

Наталия Елизарова

*Ледяная
тетрадь*

Издательство «3-е ИЮЛЯ»

2025

УДК 82-1. 161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Е-15

Елизарова, Наталия Михайловна
Е-15   Ледяная тетрадь / Наталия Елизарова – Орёл.
Издательство «3-е ИЮЛЯ», 2025. – 44 с.

*«Ледяная тетрадь» — пятый поэтический сборник
Наталии Елизаровой, включающий в себя одноимённый
цикл стихотворений, написанных в разные годы (2007-
2024).*

© - Елизарова Н.М., 2025
© - Издательство «3-е ИЮЛЯ», 2025
© - Фото Наты Сучковой, 2025

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

ISBN 978-5-86843-091-6

* * *

Выпадет снег поутру — подойду к окну.
Если меня вот так оставлять одну,
сразу начну выдумывать сказки
снежные.

Что-то тревожно шепчется изнутри,
словно за руку берёт, говорит: «Смотри,
это — предчувствие снега,
предчувствие счастья!»

Нежный мой и далёкий, ты не печалься,
я не пойду в вечерние фонари,
буду смотреть одна из окна луну.

* * *

Из стылого дня в ледяное нутро постели —
свернуться, сложиться, словно тебя и нет.

И только лишь ясное слово — рассвет...

Но тьма и мороз и застывшие стёкла

на деле.

Бредёшь наугад, только ветер колючий

в лицо,

а хочется света, огня, тёплой радости

в доме...

Но ты одинока, как анахореты и вдовы,
и черпаешь сил в разговорах

с небесным Отцом.

Идёшь через стужу, спасибо ему говоря
за то, что даёт испытания, вьюгу и ветер,
за то, что любимые так же вот мёрзнут

на свете

и мимо плывут в этом сумеречье января.

* * *

Козерожья зима настигает, ступает
на пятки,
заставляет по дому искать на меху сапоги.
Не услышав вопроса, киваешь обычно:
«В порядке» —
и идёшь на работу, с работы,
печёшь пироги,
вяжешь варежки... Врёшь! Ты вязать
не умеешь:
не научена многим простым,
но и важным вещам.
В осень липнет хандра, а зимою, конечно,
болеешь,
что-то вечно роняешь и ранишься
по мелочам.
Не с кем слова сказать? Снегири —
погляди — прилетели,
и сидят на рябинах, и ягоды гордо клюют.
Обещают под тридцать мороз и метель
на неделе,
Брось им крошек тогда или что там обычно
дают?..

* * *

Я словно гиря к поводку
пристёгнута — тащусь,
Я еле ноги волоку,
но не пойду к врачу.
Мне легче, мне совсем легко —
привольно в ночь дышать.
Но быть хотела б далеко
от этих мест душа.
Опять дороги развезло,
нещадно снег валит.
Всё человеческое зло
внутри меня болит.
И не расскажешь никому,
кругом не обойдёшь,
а каждый день несёшь во тьму
и на бордюр кладёшь.

* * *

То было сухо, после — замело,
и снега ледяное серебро
раскинулось по длинному проспекту.
На площади галдёж, ребячий гам,
метелица кружит и льнёт к ногам
и всё её талдычит, песню спету.

Автомобили злятся и рычат,
и пробки на дорогах пятый час,
но не готова тормозить стихия.
И где уже деревья, где дома —
неведомо, лишь снега кутерьма,
среди которой и пишу стихи я.

15 декабря

Мы бережно с рынка её принесли,
поставили в кадку, гирлянду надели,
мы долго её выбирали, хотели:
друг в друга уже долгосрочно вросли,
чтоб сделать зарубки на ёлочном теле.

Она открывалась нам тонким смолы
дыханьем, она расправлялась упруго,
а рядом мы жадно любили друг друга,
стремясь не задеть,
не коснуться иглы.

И нервно мигала гирлянда в ночи,
а заяц, корова и прочие звери
смотрели из веток, нисколько не веря,
что можно людей чудесам научить.

Умба

Ольге Сульчинской

Здесь ощущение света края
понятней и ясней.
И кажется, что жизнь чужая
реальнее своей.
Бредёшь, как тень, по белу снегу,
не званная в дома,
чьи крыши заметала слепо
кудельница-зима.
Скрипят под тяжестью ботинка
брусчатые мостки,
и с ёлок ледяная паутинка
ложится на виски.
И неба синего, ночного
глубины далеки.
Из тягостного, из земного
рождаются стихи.

Рождество

Елене Ивановой-Верховской

Снег, а в проталинах — чёрное крошево,
ближе к дороге — огни.
Друг, не грусти и не требуй хорошего,
люди в печали — одни.
Как рассветёт, станет ясно и радостно,
жить встрепенётся душа.
Ох уж все эти загульные празднества:
жизнь во хмелю хороша!
После стоишь у разбитого, трещины —
в мыслях, пустоты — в речах.
Что там поёт эта светлая женщина,
что-то про милость в очах?
Звон растекается, улица светится,
тянется к храму народ.
Вот бы ещё с ней когда-нибудь —
с той, что так дивно поёт.

* * *

В списке ушедших становится
 больше имён,
 список живых, увы, нестерпимо краток.
 Клён облетел во дворе,
 из моих тетрадок
 памяти книгу сложи и, когда ты нем,
 то есть когда слова и горьки, и смысла
 не добавляют к горечи, что внутри,
 просто открой — и на строчки
 мои смотри,
 а между ними читай — осторожно —
 мысли.
 Мало любила людей, но всегда —
 насквозь
 и в лобовую, вдребезги — на осколки.
 Под руку тронешь: «Здесь осторожно —
 скользко».
 Вместе — надёжно, но всё же придётся
 врозь.
 Ты не сжигай этих тонких черновиков,
 ибо тогда кто расскажет тебе о лете,
 о кузницах в траве, о втором билете?..
 Поезд в семнадцать:
 Москва, Ленинградский — Псков.

* * *

Летающий снег успеть заморозить,
чтобы соткать салфетки кружевные.
И просто есть на них, и просто жить.
И яблоки наивно-наливные
бросать в сугроб и видеть, как лежат,
теряя яркость жизни уходящей.
И руку до суставной боли сжать.
Зима. Сугробы. Фрукты. Длинный ящик.

* * *

В Каменке нет камней,
                                есть огромный ком —
глыба из снега и льда обняла дома.
Если до города ночью идти пешком —
или замёрзнешь, или сойдёшь с ума.
Канешь в бессмыслицу жадной
                                сырой степи,
ляжет в низах туман, поглощая крик.
Вроде бы молод ещё, вроде —
                                кровь кипит,
кинешься к зеркалу —
                                смотрит седой старик.

* * *

Иней с еловых обиженных лап
сыплется серебром.
Вечер. Дорожка ведёт не в сад,
а уводит к метро.
Вечность мне в спину тебя кричать,
варежкой рот зажав.
Стало так холодно по ночам.
С верхнего этажа
крики доносятся: «Горько! Эй,
суженый пьёт до дна!»
Среди бессонниц и площадей
я у тебя одна.

* * *

По застывшему озеру,
крытому корками льда,
ты идёшь мне навстречу,
только одна беда:
в лёгком тумане, в искрящейся белизне
словно не можешь ты подойти ко мне.
Кажется, шаг — и трону тебя рукой.
Медленно падает снег,
хрустит под стопой.
Губы обветренно шепчут:
«Иди...иди...»
Каева льдинка сковала огонь в груди.
Встреча нема, как чёрная полынья.
Ждёт она жертвы — пусть только не ты,
не я.

Холод сминает волю, сжимает плоть.
Глыбу прозрачного льда нам
не побороть.
Убеждаю себя, что лёд —
это просто стекло.
Не уходи за обледенелый склон.

* * *

Я чищу снег, его здесь намело
на три зимы, и каждый в тёплом доме
сидит, пьёт чай, кругом белым-бело.
В мои остервенелые ладони
шершавый деревянный черенок
ложится, как последняя надежда.
Весной когда-то прорасти он мог,
и корни дать, и быть побегом свежим.
Но вот зима — и стынет всё кругом,
собаку прямо в будке заметают.
Под белым пледом засыпает дом,
и мир под песню вьюги засыпает.
Гудят за перелеском поезда,
и вот в полях закат уже алеет.
Я ни о чём ушедшем не жалею.
Жаль, разве, что твой поезд запоздал.

* * *

Мне кажется, зима вновь сменится
зимой,
и эти глыбы льда как сахар кусковой,
что никогда не тает..
Ну или, может быть, всё это —
просто сон
и кто-то из мешка сверху
просыпал соль —
урон теперь считает.
Но если претерпеть и таянье, и грязь,
то солнышко опять к нам кинется,
смеясь,
птиц пение услышишь...
Но что оно для тех,
кто выморожен весь,
осталась только тень, осадок, сгусток,
взвесь,
и что теперь попишешь...

* * *

Вот так и вспомнится потом:
мы — три фигуры в зимнем поле.
Кобель, виляющий хвостом.
Внутри — ни радости, ни боли.
Прогулка, и почти что март,
пытаюсь догонять собаку,
а позади — отец и мать,
а впереди ещё, однако,
полжизни — поле перейти
по насту снежному, по корке,
где каждый шаг — провал почти
туда, куда уходят корни,
куда уходят тихо все
любимые неумолимо.
Прогулка в средней полосе,
машины пролетают мимо.

* * *

На дороге зимней — грязь,
приглядишься — соль.
И наступишь трижды, а всё ж
не оставишь след.
Эта боль в подреберье — только моя
лишь боль,
этот отблеск случайный — самый
надёжный свет.
Притаиться задумаешь, тенью
безликой стать,
в одеяла зарыться пуховые до весны,
обезличить барашков и досчитать до ста.
Когда сын был маленький, были иные сны.
А сейчас только чёрточки, палочки и тире,
а сейчас только слёзы смолы на сухой коре.

* * *

И ветер, и стужа, и стон, леденящий жильё.
О горе чужое! Мы в нём непрестанно

живём.

Главу отворотим, нам — мимо смотрящим,

насквозь —

так просто, привычно даётся движение

вскользь.

И вот, огибая неровности, скрепы, углы,
мы угли к себе подгребаем и кучку золы,
что рук не согреет, не даст разгореться

костру.

И наша душа застывает в сугробе к утру.

* * *

Спать осталось устало-блаженные
семь часов:
можешь книгу взять или сесть
за компьютер — в сеть
и войти в семейство не жаворонков, а сов,
только утро снова разбудит —
«клевать и петь».
Наплевать, что светает к полудню
и стынет день
от мороза, ползущего к тридцати.
Превращаешься в свой пуховик —
голубую тень,
маршируешь ей сипло: откуда куда идти.
Коченеют пальцы и замерзает мысль —
та, спасительная: лучше обратно в дом.
И змеится дорога, имя которой жизнь,
заметая тебя чудным кружевом-серебром.

* * *

Врастать корнями в ледяное дно,
узнать судьбу поющего в пустыне.
Радеть о дальних, если не дано
беречь своих. Не горько и не стыдно
латать в ночи с прорехами бельё,
кормить залётных птиц,
котов приبلудных.
И прибирать, и украшать жильё,
и целовать любимого прилюдно.
Немилые, как много вас окрест,
как душно, как мне тесно нынче платье.
И тщетно ждать с утра благую весть,
душа её — не сможет — не оплатит.

* * *

Каждый год примиряешься с февралём,
с белизной и холодом законным.
Так Господь задумывал мир, а в нём —
суть зимы ледяной подковой.
Скачет тройка в лес, а ты лишь
блажишь во след:
мол, зима год от года становится
тяжелее.
«Холодно ль девице?» —
никому и мороки нет,
девица стынет, стонет и вот — стареет.
Шаркая ботами, месит
февральскую грязь,
пташек прикармливает,
кошек бродячих жалеет.
Жизнь удалась? Ну конечно же,
жизнь удалась!
Только бы смерть быстрее.

* * *

Хочется, чтобы с утра — мороз,
                                чтобы ты пришёл,
прямо с мороза, с утра,
                                со снежинками на пальто.
Я бы сказала тебе: «Как хорошо!
Как же ты вовремя! Ну же, садись
                                за стол,
будем пить чай и завтракать». И ещё
я говорила бы что-то, не знаю, о чём,
ты бы легонько меня потянул за плечо...
Чай бы остыл, на плите подгорел омлет.
Я бы смотрела на снег — на тебя —
                                на свет.

Сколько же зим, сколько долгих
студёных лет
не замечает позёмка забытый след.

* * *

Любимый, фонарь за окошком качается,
и ветка стучит о стекло.

Любимый, на небе снега не кончаются:
весь двор и проезд замело.

Любимый, такое всё белое, стылое,
что зябну я, стыну внутри...

И слышу — далёко — колядку унылую,
боюсь, что фонарь догорит,
что нежности снежной покров

истончается —

исчезнут следы на снегу.

И дерево спилят, и ветка сломается...

Остынет тепло наших губ.

* * *

«Вот миную Даниловский рынок...»

Г. Шпаликов

Чистят дворники снег по ночам.
Да, такого давно снегопада
не бывало. В предутренний час
ты — свидетель греха и распада.
Вот стена в человеческий рост
грязно-серого мятого снега.
Вот таджик, набирающий горсть
крупной соли и сыплющий слева
и направо, все наши пути
солоны, и от Мытной до Тульской
снежной кашей солёной брести
вдоль дороги нечищенной узкой,
целиком занесённых машин,
единичных светящихся окон,
одиночек — нетрезвых мужчин,
запоздавших домой ненароком.
Мимо рынка, трамвайных путей,
светофоров, мигающих жёлтым,

круглосуточных баров, аптек
и забытой, неубранной ёлки.
Потоптавшись на станции ЗИЛ,
погрозив электричке вдогонку,
волочёшься домой по грязи
и вздыхаешь — бессильно и горько.

* * *

Какая снежная зима.
Какая долгая дорога.
На камеру сорок снимай
и больше прошлое не трогай.
И в пёстрой жизни кутерьме,
в скачках и суете сорочьей
доверься лекарю-зиме,
её белёсую сорочку
сними — тебе пора на свет,
где почек лопается сила
и жизнью пахнет первоцвет —
прекрасно и невыносимо.

* * *

Мы проснулись немymi. Была зима.
Нужно было вдохнуть, не сойти с ума,
как-то выжить без речи, без языка,
сделать вид: «Всё о'кей, пока».

А вчера ещё можно было петь,
обнимать друзей и не верить в смерть.
И снежинки слизывать языком,
и не плакать — ни над кем, ни о ком.

А когда уже не осталось слёз
и к немому нёбу язык примёрз,
не помогут ни Ожегов, ни Белодед —
только стынуть и холодеть.

* * *

Когда и музыка не строится,
и слово не вместить в строку,
прочь уезжай, броди околицей,
ищи подсказки на снегу.
Мир чёрно-белый, ясный, базовый,
понятный всем семи ветрам,
вбирай в себя и сказки сказывай,
и долгий путь давай ногам.
В избушках ставни заколочены:
ослепли окна ждать своих.
Вмести Россию между строчками,
во все глаза в неё смотри.

* * *

Отошли дожди, затихли грозы,
небо стало синим и белёсым,
даже звёзды вылезли на свет,
то есть на декабрьское небо.
Был ли ты когда поэтом, не был,
но с приходом снега ты поэт.

Время убивает все резоны,
юбилей, марши Мендельсона,
где крестины — вот уже кутья.
Лечит ли оно? Конечно, лечит,
только ты прижми меня покрепче,
не хочу его рецептов я.

На Ордынке и на 1-й Курской
быть счастливым — то ещё искусство!
Радуете снегу детвора
во дворах, а мы сугробов мимо —
ты на льду держи меня, любимый! —
в зимний день спешим на всех парах.

* * *

Я когда-то устану от стылых
плацкартных вагонов,
от мельканья лесов и полей
в замутнённом стекле,
от побегов из города жадного
в маленький город,
где уютная горница,
а не холодная клеть.
Где сороки трещат, а у воронов
княжки повадки,
где спускается в тёмную реку
багровый закат.
Я, быть может, останусь надолго —
сбегу без оглядки,
а пока лишь колёса стучат
моим мыслям не в такт,
и стакан дребезжит с остывающим
приторным чаем.
Там, снаружи, всё в чинно-
хрустальной, звенящей броне.

Проводница в купе у себя спит
и не замечает,
как тихонько вагонные тени
подходят ко мне.
Я от них узнаю, кто откуда
когда-то уехал
и болтается нынче меж мёрзлых
вагонных дверей
в мутном времени —
гулкой пространства прорехе
меж сигнальных огней
и застывших, слепых фонарей.

* * *

Так холодно и страшно иногда,
и кажется, что нет тепла и света,
что в кассе просто не было билета
на солнце, вот теперь снега, снега...
Беда с погодой снова в декабре:
то грязь, то лёд, то снежные метели...
А были ль мы с тобой на самом деле
или зимой ослепшей снились мне?
Ошмётки снега дворники метут,
машины месят грязевую жижу,
и свет больничных окон ближе,
ближе:

они как будто человечков ждут
в постели белокипенных снегов,
где боль любую мерзлота утишит,
где чистовик однажды кровью пишат
поэмы снежной —

в ней не счесть слогов.

А человечки верят в Новый год,
где инеем резным застынут слёзы,
покажется, что мир для них и создан
без разочарований и невзгод.

И будет тихо память замечать...
Огни — гореть, а ёлочки — светиться,
пока неслышно речь не превратится
в заснеженную тонкую тетрадь.

* * *

маме

Когда-нибудь снег в декабре
закружит...
Захочется вафель по-венски,
глинтвейна,
в отеле на самой окраине жить,
гулять вдоль Дуная и Рейна.

Ходить по рождественской ярмарке
днём,
а после, продрогнув, пригреться
в музее.
И мы никогда-никогда не умрём —
уйдем в сад Моне, в эту зелень.

Мы будем в огнях посреди
Штефансплац,
поедем и в Ахен, и в Любек,
и в Бремен...
Страница закончится — новый абзац
подарит нам неисчислимое время.

* * *

И будет слово, брошенное вскользь,
не слово даже — так, цитата...
И поезд, уходящий на Оскол,
и снежная сереющая вата.
Уставшие от взглядывания в ночь,
от чтения под перестук колёсный,
глаза мои, как искорки точь-в-точь,
засветятся во тьме беззвёздной.
На солнечную кромку февраля
ступлю скорее в ожиданье марта,
звенит внутри струна на ноте «ля»,
и движется вагон плацкартный.

* * *

Вот и выстужен весь,
исполосан дождями-ветрами
этот самый последний ноябрь.
Он не с нами уже, он не с нами...

Уступая леса декабрю,
чтобы тот порошил снегом ели,
он уходит от нас... Я смотрю...

Я люблю белый мир, белый снег,
но всегда неизбежно чернеет
вдалеке, на искристом снегу...
Что? Увы, разглядеть не могу.

* * *

Уже февраль, а снега нет как нет,
не знаем мы дальнейший ход планет
и даже завтра своего не знаем.
И, кажется, не верим, не мечтаем,
а мчимся в разудалом колесе
туда, куда однажды канем все.

2020

Нет звезд, всё обложено серою
ватою,
вороны с деревьев глядят воровато,
и тает невыпавший снег.
А людям тоскливо,
а людям тревожно,
прохожие шастают так осторожно,
как будто последний забег.
И вовсе не снег — человеческий
пепел —
летает и кружит в светящемся
склепе,
где нового праздника ждут.
Мы, Господи, верим, что будет
сочельник
и выживет в буре житейской
скудельный —
Тобой сотворённый — сосуд.

* * *

Напишу сегодня тебе e-mail
на шуршащей бумаге письма взамен.
Наконец нагрянула осень —
дуновение перемен.
Я приеду — неважно, какой прогноз —
в край резных избушек, октябрьских роз,
нас с тобою возьмёт за нос
и уже защиплет мороз.
Мы проснёмся утром, когда земля
станет белой-белой, как чистовик.
«Сколько счастья!» — подумаю про себя,
про тебя и про нас двоих.

* * *

Так в ноябре звенящ и инист льдистый
воздух,
и что-то изнутри так в унисон звенит,
как будто этот мир весь из снежинок
создан,
как будто изо льда весь создан алфавит.

Какая акварель в почти что зимнем небе!
Какая благодать идти рука в руке
и взглядом провожать взлетающую
лебедь
и облачную тень, плывущую в реке.

СОДЕРЖАНИЕ

«Выпадет снег поутру...».....	3
«Из стылого дня в ледяное нутро постели.....».....	4
«Козерожья зима настигает...».....	5
«Я словно гирия к поводку...».....	6
«То было сухо, после — замело.....».....	7
15 декабря.....	8
Умба.....	9
Рождество.....	10
«В списке ушедших становится больше имён...».....	11
«Летающий снег успеть заворожить...».....	12
«В Каменке нет камней...».....	13
«Иней с словых обиженных лап...».....	14
«По застывшему озеру...».....	15
«Я чищу снег, его здесь намело...».....	16
«Мне кажется, зима вновь сменится зимой...».....	17
«Вот так и вспомнится потом...».....	18
«На дороге зимней — грязь...».....	19
«И ветер, и стужа, и стон, леденящий жильё...».....	20
«Спать осталось устало-блаженные семь часов...».....	21
«Врастать... корнями в ледяное дно...».....	22
«Каждый год примиряешься с февралём...».....	23
«Хочется, чтобы с утра — мороз...».....	24
«Любимый, фонарь за окошком качается...».....	25
«Чистят дворники снег по ночам...».....	26
«Какая снежная зима...».....	28
«Мы проснулись немymi...».....	29
«Когда и музыка не строится...».....	30
«Отошли дожди, затихли грозы...».....	31
«Я когда-то устану...».....	32
«Проводница в купе у себя спит...».....	33
«Так холодно и страшно иногда...».....	34
«Когда-нибудь снег в декабре закружит...».....	36
«И будет слово, брошенное вскользь...».....	37
«Вот и выстужен весь...».....	38
«Уже февраль, а снега нет как нет...».....	39
2020.....	40
«Напишу сегодня тебе e-mail...».....	41
«Так в ноябре звеняц и инист льдистый воздух...».....	42

Литературно-художественное издание

Наталья Михайловна Елизарова

ЛЕДЯНАЯ ТЕТРАДЬ

(стихи)

В авторской редакции

Корректор – Т.Е. Никольская

Издатель – Г.Н. Майоров

В оформлении обложки использовано фото Наты Сучковой

ISBN 978-5-86843-091-6

12+

Издательство «3-е ИЮЛЯ» +7(9107) 48-11-02

Формат 70х100 1/32. Бум. офсет.

Сдано в набор 03.05.2025 г. Подписано в печать 25.05.2025 г.

Усл. п.л. 2. Тир. 500 экз.

Отп. с готового оригинал-макета в ООО Полиграф. фирма «Картуш»
(г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26). Тел. (4862) 44-51-46